

В добрый час!

НЕ ОТ МИРА СЕГО...

*Рез. Москва
1994. - 17 марта
с. 4.*

Наталья Маева окончила Вахтанговское училище по классу В. А. Этуша. Ее педагогами были Н. П. Русинова, Ц. Л. Мансурова, М. Д. Синельникова, Е. Р. Симонов, однокурсниками — А. Збруев, Л. Макасова, И. Бортник, А. Белявский.

Потом она работала в Московском гастрольном театре комедии, где главным режиссером был Я. М. Кракопольский, мягкий, интеллигентный человек, сумевший создать здесь атмосферу культуры и доброжелательства.

Маева много играла: в пьесе А. Вампилова «Прощание в июне», в «Дачниках» М. Горького, в «Моих надеждах» М. Шатрова, в «Затейнике» В. Розова, в «Малыше и Карлсоне» А. Линдгрена.

В «Заговоре чувств» Ю. Олеши она читала стихи З. Гиппиус, может быть, впервые на советской сцене публично читала стихи этой «отверженной» на многие годы поэтессы. Несмотря на то, что Маеву нельзя представлять как начинающую актрису, несмотря на то, что у нее есть немалый актерский опыт, я решаюсь назвать ее выступление в Новом театре в роли Тины (спектакль «Письма Асперна») дебютом.

Странно, что до сих пор ее почти не знала театральная Москва, хотя она обладает индивидуальностью, нервной силой, острым и трепетным лиризмом.

Мисс Тина живет в Венеции, но она англичанка. И Маева в этой роли в темном затрапезном платье, в старенькой шляпке с широкими лентами чем-то напоминает диккенсовскую Крошку Доррит, приносит обаяние какого-то романтического уюта, детской диковатости, застенчивой замкнутости. Зато потом, поверив в чувство Генри, она становится благодарной и счастливой, безоглядно доверчивой. В ее тщедушной фигурке, мелких, неуверенных шагах, робких, угловатых движениях есть что-то ребяческое. У нее слабые, беспомощные руки с крошечными кистями. Она — сама беззащитность. Только голос звенит звуком натянутой струны, звенит слезами счастья и отчаяния, предельным напряжением чувств. Одержимый желанием овладеть заветными письмами Асперна, Генри обманывает Тину. Глядя на Маеву в этой роли, понимаешь, как жестоко его притворство, ибо это все равно что обмануть ребенка.

Осознав обман, Тина Маевой перестает быть ребенком, дикаркой, нелепой, неловкой феей старого венецианского палаццо. Она становится Женщиной, непреклонно отстраняющей солгавшего возлюбленного, непоколебимо и навсегда уходящей в свое одиночество. Сжимается сердце, когда эта маленькая фигурка подходит к огромным дверям палаццо и медленно закрывает их, словно замуровывая себя в пышном обветшавшем склепе...

Неподвижное, застывшее лицо Тины, освещенное огнем сжигаемых ею писем, — последняя, драматическая точка спектакля.

Наталья Маева с редким эмоциональным напряжением сыграла испуг и дикость существа, абсолютно лишённого какого-либо жизненного опыта, высокий жертвенный пафос внезапно осчастливленной «Золушки» и, наконец, достоинство женщины, впервые познавшей счастье любви и жестокую горечь разочарования.

Соединение угловатой нелепости, странности с подлинным драматизмом побудило многих зрителей, видевших Маеву, вспомнить Джульетту Мазину.

Маева — человек, всецело поглощенный искусством, она находится во всегдашнем потрясении от какого-нибудь спектакля, актера, книги, музыки. Не знаю, как она справляется с житейской стороной жизни, во всяком случае постоянная прекрасная, восторженная дрожь ее души заставляет воспринимать актрису как человека «не от мира сего».

Надо сказать, что она хорошо пишет и даже печатается. Ее эссе о Ц. Л. Мансуровой опубликовано в сборнике «Первая Турандот».

Она пишет: «Ни одна красивая девочка не могла подарить этот струящийся, переливающийся, необыкновенный свет, излучаемый Цецилией Львовной». Маева восприняла частицу этого волшебного света, в ней самой ощущается затаенное, но сильное волнение, светится что-то свое, когда она играет Тину или читает Ахматову и Цветаеву.

Пусть никогда не гаснет это застенчивое свечение души и пусть удача осенит это самоабвенное существование в искусстве.

БОРИС ЛЬВОВ-АНОХИН,

художественный
руководитель Нового
драматического театра.

НА СНИМКЕ: Тина —
Н. Маева.

Фото М. ГУТЕРМАНА.

